

Измерение неравенства и влияния социальных трансфертов на доходы населения в России

Людмила Сергеевна Засимова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

В статье анализируется динамика показателей экономического неравенства в России за 2006–2022 гг. и влияние социальных трансфертов на распределение доходов в обществе. Исследуется распределение получателей пособий и льгот по децильным доходным группам населения, величина социальных трансфертов и их доля в доходах домашних хозяйств с различным уровнем среднедушевых денежных доходов. Для выявления связи между доходами домашних хозяйств и вероятностью получения социальных трансфертов и их размером при помощи логистической регрессии и ОМНК оцениваются панельные регрессии со случайными эффектами.

Получено подтверждение, что снижение экономического неравенства в России происходило на фоне роста социальной поддержки населения, который был особенно заметным в 2020–2022 гг. Вероятность получения домашними хозяйствами социальных пособий росла по мере снижения реальных среднедушевых доходов, однако величина получаемых социальных трансфертов не зависела от уровня дохода домашнего хозяйства.

Установлено, что во всех децильных группах населения имеются получатели пособий и льгот, но размер социальных выплат больше в домашних хозяйствах со средним и высоким уровнями дохода. При этом пособия семьям с детьми и пособия по безработице чаще всего предоставляются домашним хозяйствам из низших доходных групп; получатели налоговых льгот преобладают в верхних доходных группах; больше всего субсидий на оплату ЖКУ получают домашние хозяйства со средним уровнем дохода, а доплаты на топливо равномерно распределены между всеми доходными группами. В целом около 50% домашних хозяйств из нижнего дециля в рассматриваемый период оставались без каких-либо социальных трансфертов, а во время кризиса 2020–2021 гг. только третья из них получали пособия и льготы.

По итогам исследования сделан вывод, что в России снижение неравенства в обществе возможно как за счет повышения адресности предоставляемых пособий и льгот, так и путем выявления потребности в помощи беднейших домашних хозяйств в периоды экономических кризисов.

Ключевые слова: неравенство в доходах, распределение доходов, социальные выплаты, пособия, экономический кризис.

JEL: H530, I320, I380.

doi: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2024-31-6-35-48>.

Для цитирования: Засимова Л.С. Измерение неравенства и влияния социальных трансфертов на доходы населения в России. Вопросы статистики. 2024;31(6):35–48.

Measuring Inequality and the Impact of Social Transfers on Household Income in Russia

Liudmila S. Zasimova

National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russia

The study analyses the dynamics of economic inequality in Russia in 2006–2022 and the contribution of the social transfer system to income distribution in society. The study examines the distribution of recipients of social benefits by decile income groups, the amount of social transfers and its share in household incomes with different income levels. To identify the relationship between household income and the probability of receiving social transfers and the size of benefits, regressions with random effects were estimated using panel logistic regression and generalized OLS.

The study determined that the decrease in economic inequality in Russia was accompanied by increased social support to the population, especially pronounced in 2020–2022. The likelihood of receiving social benefits increased as real per capita household incomes declined, but the sum of social transfers was unrelated to household income.

The author found that recipients of social benefits were present in all decile groups, and the value of social transfers was higher in households with middle- and high-income levels. At the same time, benefits for families with children and unemployment benefits were most often provided to families from lower income groups; recipients of tax breaks predominated in the upper-income groups; subsidies for housing and communal services were common among households in middle decile groups, and surcharges for fuel were evenly distributed among different income groups. On average, during the study period, about 50% of households from the bottom decile remained without any social transfers, and during the crisis of 2020–2021, only a third of households in the bottom decile received benefits.

The study results suggest that there is potential to reduce income inequality by improving the targeting of social benefits and better identifying the need for social assistance from the poorest households during an economic crisis.

Keywords: income inequality, income distribution, social transfers, social benefits, economic crisis.

JEL: H530, I320, I380.

doi: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2024-31-6-35-48>.

For citation: Zasimova L.S. Measuring Inequality and the Impact of Social Transfers on Household Income in Russia. *Voprosy Statistiki*. 2024;31(6):35–48. (In Russ.)

Введение

Проблема экономического неравенства в течение многих лет находится в фокусе исследователей и общества. Высокий уровень неравенства традиционно связывают с другими экономическими проблемами, такими как снижение уровня потребления, рост закредитованности населения, уменьшение инвестиций в человеческий капитал, рост социальной напряженности в обществе, замедление экономического роста [1–4]. Несмотря на то что различия в доходах отражают лишь одну из граней социального неравенства, исследования показывают, что они, как правило, влекут за собой неравенство и в других сферах, например в удовлетворенности жизнью и в ее продолжительности [5–7], в доступе к социальным благам, таким как образование, правовая защита, культура, здравоохранение и т. д. Последнее стало особенно заметным во время пандемии COVID-19 [8]. Вот почему правительства в развитых странах стремятся контролировать уровень неравенства в обществе, не допуская его слишком сильного роста.

Цель данного исследования — на основе статистической информации оценить вклад системы социальных трансфертов в снижение экономического неравенства в России в 2006–2022 гг., включая период пандемии COVID-19.

По данным Росстата, за последние 15 лет, несмотря на некоторое сокращение, неравенство в доходах в России оставалось на достаточно высоком уровне: коэффициент Джини колебался в пределах 0,398–0,421, а коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов) достигал значений 14,0–16,6. Международные сопоставления на основе данных Всемирного банка говорят о том, что Россия относится к групп-

пе стран с высоким уровнем дифференциации доходов. Некоторые экспертные оценки показывают, что Россию можно отнести к странам с чрезмерно высоким уровнем экономического неравенства [9]. Не удивительно, что опросы общественного мнения свидетельствуют о том, что население России оценивает разрыв между богатыми и бедными в стране как слишком высокий: по данным ВЦИОМ за 2022 г., такого мнения придерживалось 69% населения. При этом 55% населения были согласны с утверждением, что государство должно принимать меры для сокращения неравенства в доходах между людьми¹.

Снижение неравенства может быть достигнуто разными мерами, в том числе налоговым регулированием, стимулированием частной благотворительности и, конечно, через систему социальных трансфертов. Каждая из мер способна существенным образом повлиять на распределение доходов в обществе. Многие исследования, посвященные эффективности систем социальных трансфертов, подтвердили связь между их размером и снижением неравенства не только в странах с высоким уровнем дохода [10–12], но и в странах с низким и средним уровнями [13 и 14].

Размер социальных пособий и льгот в России был подвержен частым пересмотрам как на федеральном, так и на региональном уровнях. Наиболее заметные изменения в системе социальных трансфертов произошли в 2005 г., когда вступил в силу так называемый «закон о монетизации льгот»², который был призван перевести льготы из натуральной формы в денежную и четко разграничить обязательства по предоставлению социальной поддержки между различными уровнями бюджетной системы [15]. Вплоть до 2019 г. в рамках сложившейся структуры социальных трансфертов хотя и происходили регулярные пе-

¹ ВЦИОМ. Неравенство доходов: мониторинг. 21 июня 2022 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/neravenstvo-dokhodov-monitoring>.

² Федеральный закон от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов "О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" и "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации"». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_49025/.

ресмотрены размера пособий и льгот населению и вводились отдельные меры адресного предоставления социальной помощи, комплексных изменений проведено не было. К 2019 г., несмотря на значительные ресурсы, направляемые государством на социальную защиту населения (примерно 3% ВВП), система социальных трансфертов характеризовалась относительно низкой эффективностью, по крайней мере в отношении снижения уровня бедности [16].

В докладе экспертов НИУ ВШЭ в качестве основных причин низкой результативности действовавшей системы социальной поддержки отмечается как небольшой охват семей, нуждающихся в адресных пособиях по бедности, так и недостаточный размер самих пособий и льгот. Там же указывается, что с 2020 г., в котором началась пандемия COVID-19, стали реализовываться подходы, направленные на создание комплексной системы поддержки бедных семей, построенные на принципах адресного предоставления помощи. В этот период вводились не только временные меры поддержки населения в условиях кризиса 2020–2021 гг., но и системные решения, действующие на постоянной основе, которые в первую очередь затронули семьи с детьми [16].

На данный момент система социальных трансфертов в России представляет собой сложно организованную структуру, включающую большое число пособий и льгот, предоставляемых как на федеральном, так и на региональном уровнях разным категориям граждан. При этом одна часть пособий и льгот назначается по категорциальному признаку, тогда как другая — с проверкой нуждаемости. Существующие исследования результативности российской системы социальных трансфертов в основном сфокусированы на анализе ее влияния на снижение уровня бедности [16–19]. Однако не менее важной исследовательской задачей является оценка результативности системы социальных трансфертов в отношении сокращения неравенства в обществе, особенно в периоды экономических кризисов.

Статья организована следующим образом. Вначале характеризуются используемые данные и обосновывается выбор методологии исследования. Далее приводятся оценки изменений показателей неравенства в России в 2006–2022 гг. и данные дескриптивного анализа о распределе-

нии наиболее распространенных видов пособий и льгот по разным доходным группам населения. В заключительном разделе при помощи эконометрического анализа оценивается вклад системы социальных трансфертов в снижение доходного неравенства в России.

Методология и данные

Из-за отсутствия данных о накопленном населением богатстве в настоящем исследовании будет проанализировано экономическое неравенство, оцененное на основе ответов самих респондентов о располагаемых доходах. Для расчетов использовались данные РМЭЗ НИУ ВШЭ³ (далее — РМЭЗ), поскольку в них имеется подробная информация о доходах наряду с социально-демографическими характеристиками домашних хозяйств и членов их семей. Анализировались данные за период 2006–2022 гг.: к 2006 г. прошел уже год после вступления в силу ФЗ № 122, существенно изменившего правила предоставления натуральных льгот, а 2022 г. был выбран по той причине, что на момент проведения исследования информации за последующие годы еще не было.

Данные РМЭЗ репрезентативно представляют все население России, однако их существенным ограничением является тот факт, что они не в полной мере охватывают лиц с очень высокими доходами [20]. Кроме того, сведения о доходах РМЭЗ могут быть ниже реальных по двум причинам. Во-первых, в отличие от Росстата, данные получены на основе ответов респондентов, которые могут плохо помнить все источники доходов или специально их занижать. Во-вторых, поскольку респондентов спрашивают о доходах за один месяц, они не учитывают премии и выплаты по итогам года. Несмотря на эти недостатки, преимуществом РМЭЗ является единая методология, используемая на протяжении многих лет.

При исследовании неравенства в доходах экономисты обращаются к различным статистическим показателям, таким как коэффициенты концентрации доходов среди 1,5% или 10% самого богатого населения, индексы Аткинсона, Тейла, децильные коэффициенты, коэффициент фондов, коэффициент Пальмы и, конечно же, индекс Джини. Применение показателей дифференциации доходов населения, сравнивающих

³ Российский мониторинг экономического положения и здоровья НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/rilm/>.

крайние части на шкале их распределения, в настоящем исследовании было нецелесообразным, поскольку в РМЭЗ плохо представлены данные о наиболее обеспеченных россиянах. Кроме того, как указывают К. Туманянц и др., эти показатели «наиболее чувствительны к межрегиональному неравенству, не всегда объективно отражающему различия в уровне благосостояния домохозяйств, например за счет разницы в покупательной способности денежных доходов в разных регионах» [21, с. 59]. Таким образом, для оценки неравенства в данной работе использовались коэффициенты Джини. Они рассчитывались на основе разделения домашних хозяйств на децильные группы с учетом числа членов домашних хозяйств.

Так же как и К. Туманянц и др., для расчета неравенства в доходах был сформирован показатель располагаемых ресурсов домашних хозяйств, который включал различные источники денежных доходов и денежную оценку натуральных доходов. Располагаемые ресурсы домашних хозяйств рассчитывались как сумма доходов их членов от оплаты труда, к которым добавлялись социальные и частные трансферты, доходы от продажи продукции личного подсобного хозяйства, займы и израсходованные сбережения. К этой сумме прибавлялись прочие доходы, такие как средства от возврата долгов, выплаты по страховкам, доходы от продажи личного имущества, от сдачи его в аренду, проценты по вкладам и доходы от ценных бумаг. Следует пояснить, что налоговые вычеты, полученные домашними хозяйствами, делились на 12 месяцев. Крупные займы, которые брались в основном на покупку недвижимости или автомобиля, исключались из суммы ежемесячных располагаемых доходов, чтобы избежать их резкого завышения. Итоговая величина располагаемых доходов сравнивалась с заявленным главой семьи доходом домашнего хозяйства, и для последующего анализа выбиралось максимальное значение. Домашние хозяйства, по которым не было данных о располагаемых доходах или они были нулевыми, из анализа исключались.

Репрезентативная объединенная выборка домашних хозяйств РМЭЗ за 2006–2022 гг. сформирована из 84 557 наблюдений. После исключения домашних хозяйств, по которым не было данных о доходах, в выборке осталось 83 372 наблюдения. Среди них в составе 39 748 домашних хозяйств были получатели тех или иных пособий и льгот.

Для расчета коэффициентов Джини (индексов концентрации доходов) на данных РМЭЗ требовалось перейти к среднедушевым располагаемым доходам. Во многих исследованиях для этих целей используются шкалы эквивалентности, позволяющие учесть эффект экономии на масштабе в разных по числу и составу семьях. А.Е. Суринов и А.Б. Луппов [22] проанализировали целесообразность применения различных шкал эквивалентности на российских данных для оценки неравенства и бедности. Они пришли к выводу, что их использование хотя и существенно меняет состав групп населения в социальной иерархии, практически не изменяет значения индексов Джини по сравнению с расчетами на основе простого среднедушевого дохода. Забегая вперед, отметим, что на данных за 2006–2022 г. показатели Джини, рассчитанные с учетом шкалы эквивалентности и без нее, также различаются не сильно (см. рис. 1). Поэтому в настоящей работе использованы индексы Джини, построенные по той же методологии, которую применяет Росстат.

Коэффициенты Джини были рассчитаны для итогового распределения доходов, а также для гипотетического распределения доходов при отсутствии социальных трансфертов. Для этого были сформированы показатели подушевых доходов домашних хозяйств без учета полученных социальных трансфертов (за исключением пенсий, назначение которых – замещать трудовые доходы).

Кроме того, для измерения вклада системы социальных трансфертов в снижение экономического неравенства населения и оценки справедливости социальных расходов государства исследователи используют показатель доли социальных трансфертов, приходящейся на низкодоходные группы населения, например на нижний доходный дециль или квинтиль [14]. С этой целью в настоящей работе анализировались показатели суммы социальных трансфертов, предоставленных домашним хозяйствам нижних децилей, которая сравнивалась с размером социальной помощи другим доходным группам населения. Также оценивалась доля домашних хозяйств, в составе которых были получатели пособий и льгот, в разных децильных группах. Эти показатели были рассчитаны как для суммарной величины всех выплаченных домашним хозяйствам социальных трансфертов, так и отдельно по некоторым видам пособий и льгот: пособия и льготы на детей; субсидии, пособия и льготы на жилье и оплату жилищно-коммуналь-

ных услуг; пособия по безработице; вычеты по налогу на доходы; субсидии и доплаты на топливо. Для сопоставления данных за разные годы показатели среднедушевых денежных доходов домашнего хозяйства и среднедушевых доходов от социальных трансфертов были дефлированы при помощи ИПЦ и выражены в ценах 2006 г.

Чтобы проверить статистическую связь между получением пособий и среднедушевым денежным доходом, оценивалась модель бинарного выбора со случайными эффектами. Зависимой выступала переменная наличия в составе домашнего хозяйства получателей пособий и льгот. Рассчитывались предельные эффекты для среднего значения по выборке.

Для оценки связи между размером получаемых трансфертов и доходом домашнего хозяйства при помощи обобщенного метода наименьших квадратов (ОМНК) оценивалась панельная регрессия со случайными эффектами только для тех домашних хозяйств, которые имели в своем составе получателей социальных трансфертов. В качестве независимых переменных использовались показатели реального среднедушевого дохода домашнего хозяйства (за вычетом пособий и льгот), а также набор категориальных переменных, характери-

зующих его демографический состав и местность проживания. Модели оценивались на данных за 2012–2022 гг., поскольку вопросы о налоговых льготах до 2012 г. отсутствовали в РМЭЗ. Так же как и в других исследованиях [17], выбор в пользу моделей со случайными эффектами связан с тем, что при применении моделей с фиксированными эффектами происходит существенное истощение выборки. Дополнительным аргументом для использования моделей со случайными эффектами является возможность включения в анализ характеристик, не меняющихся во времени, например таких, как тип населенного пункта, в котором проживают члены домашнего хозяйства. Во все модели были добавлены фиктивные переменные на 2013–2022 гг., чтобы учесть возможные фиксированные эффекты, связанные с изменениями в системе социальных трансфертов в рассматриваемый временной отрезок.

Результаты

Динамика индекса Джини в России. Динамика показателей Джини, рассчитанных Росстатом и в обследовании РМЭЗ с 2006 по 2022 г., представлена на рис. 1.

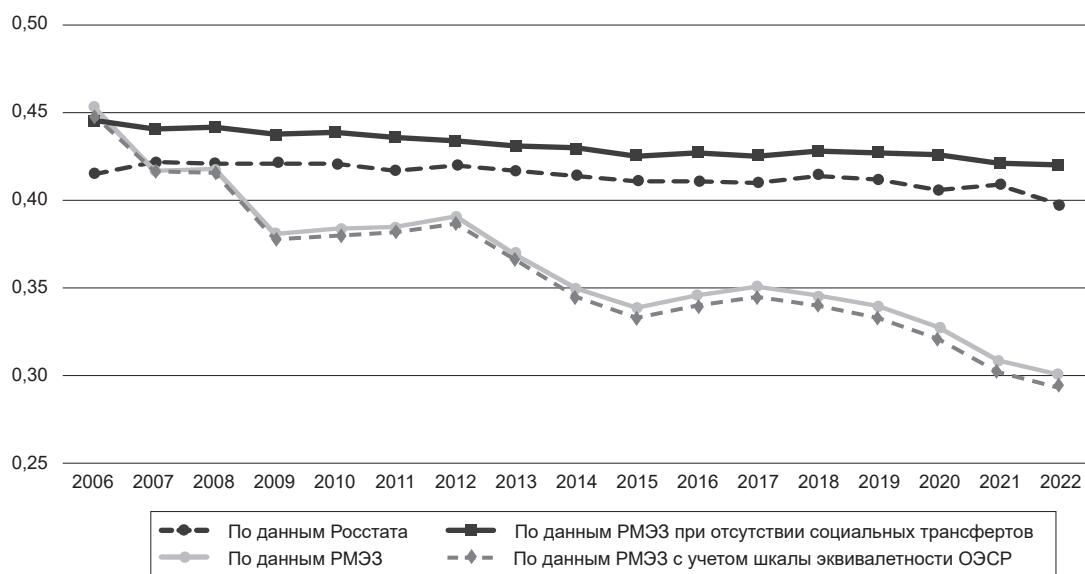

Рис. 1. Динамика коэффициентов Джини, 2006–2022 годы

Источник: данные Росстата, расчеты автора на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Рис. 1 демонстрирует, что в исследуемом периоде значения индекса Джини снижались. При этом коэффициенты Джини, рассчитанные на основе данных РМЭЗ, показывают более заметное сокращение неравенства (0,450 в 2006 г.

и 0,300 в 2022 г.), тогда как Росстат фиксирует уменьшение значения индекса до 0,398. Наибольшие расхождения между значениями коэффициентов Джини по данным РМЭЗ и Росстата отмечаются в последние годы. Оценки, получен-

ные с корректировкой на эквивалентный доход, практически совпадают с обычными оценками коэффициентов Джини, что соответствует выводам А.Е. Суринова и А.Б. Луппова [22].

Индекс Джини, рассчитанный для гипотетической ситуации отсутствия социальных трансфертов, также снижался. Кроме того, данные, представленные на рис. 1, позволяют предположить, что социальные выплаты вносили вклад в снижение неравенства в России на протяжении всего рассматриваемого периода. Однако он наиболее заметен в 2019–2022 гг., когда разница между рассчитанными на основе данных РМЭЗ коэффициентами Джини с учетом социальных трансфертов и без них максимальна. Это соответствует периоду существенных изменений в системе социального обеспечения в России.

Также можно заметить, что, по данным РМЭЗ, сразу после экономических кризисов, в 2009 и 2015 гг., неравенство доходов заметно снижалось после предшествующих этим кризисам периодов роста неравенства, а в 2020–2022 гг. со-

кращение неравенства являлось продолжением тренда, начавшегося еще в 2018 г.

Результаты анализа коэффициентов Джини хотя и определяют вклад системы социальных трансфертов в снижение неравенства доходов населения, но не позволяют сделать выводы об ее эффективности, поскольку не дают информации ни об охвате населения социальными пособиями и льготами, ни об объеме социальных трансфертов, предоставляемых разным доходным группам.

Неравенство в распределении социальных трансфертов среди населения России. Важной чертой, характеризующей эффективность системы социальных трансфертов, является адресность, то есть направленность социальных выплат на низкодоходные группы населения при отсутствии выплат высокодоходным группам. На рис. 2 представлена динамика доли домашних хозяйств, в составе которых имеются получатели социальных трансфертов, в двух верхних и двух нижних децильных доходных группах населения.

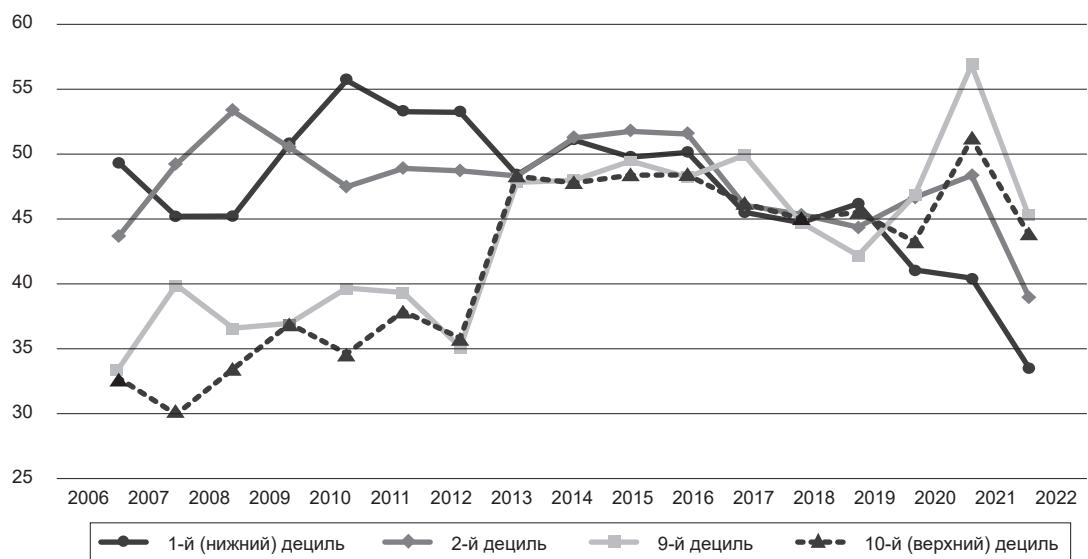

Рис. 2. Динамика доли домашних хозяйств, получающих социальные трансферты, в нижних и верхних децильных доходных группах, 2006–2022 годы (в процентах)

Источник: данные Росстата, расчеты автора на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

С 2006 по 2012 г. доли домашних хозяйств, получавших социальные трансферты, в двух нижних (первой и второй) децильных группах были существенно выше, чем в двух верхних (девятой и десятой); с 2013 по 2019 г. процент домашних хозяйств – получателей социальных трансфертов в рассматриваемых децильных группах был примерно одинаковым. Однако уже начиная с 2020 г.

происходило уменьшение доли получателей социальных трансфертов в самом низкодоходном децилле, даже несмотря на то что на поддержку населения во время пандемии COVID-19 государством выделялись значительные средства. В 2021 г. доли получателей социальных трансфертов росли во всех децильных группах, кроме первой.

Минимального значения за весь рассматриваемый период доля домашних хозяйств, получающих социальные трансферты, достигла в 2022 г. в первом дециле и составила всего 33%.

При этом именно в данной группе доля доходов от социальных трансфертов в общем объеме доходов домашних хозяйств была максимальной (см. рис. 3).

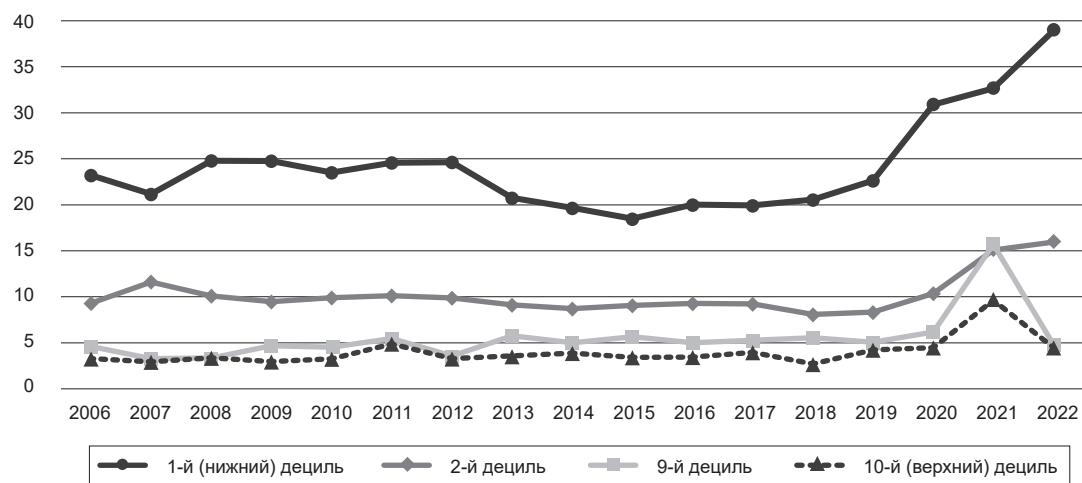

Рис. 3. Динамика доли доходов от социальных трансфертов в структуре доходов домашних хозяйств в нижних и верхних децильных доходных группах, 2006–2022 годы (в процентах)

Источник: данные Росстата, расчеты автора на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

За счет социальных трансфертов с 2006 по 2019 г. формировалось примерно 20–25% доходов беднейших домашних хозяйств, а с 2020 г. эта доля начала расти и в 2022 г. составила почти 40%. Во втором дециле доходы от социальных трансфертов в структуре совокупных доходов домашних хозяйств также росли, но не столь заметными темпами, достигнув максимума в 2022 г. В двух верхних децилях они достигли максималь-

ных значений в 2021 г. и затем снова снизились, вернувшись к обычным уровням в 4–5%.

Рис. 4 демонстрирует, какая сумма социальных трансфертов приходится в среднем на одного члена домашнего хозяйства. Эта величина рассчитана только для тех семей, которые получали социальные трансферты. Для сопоставимости данных по годам они пересчитаны с применением ИПЦ.

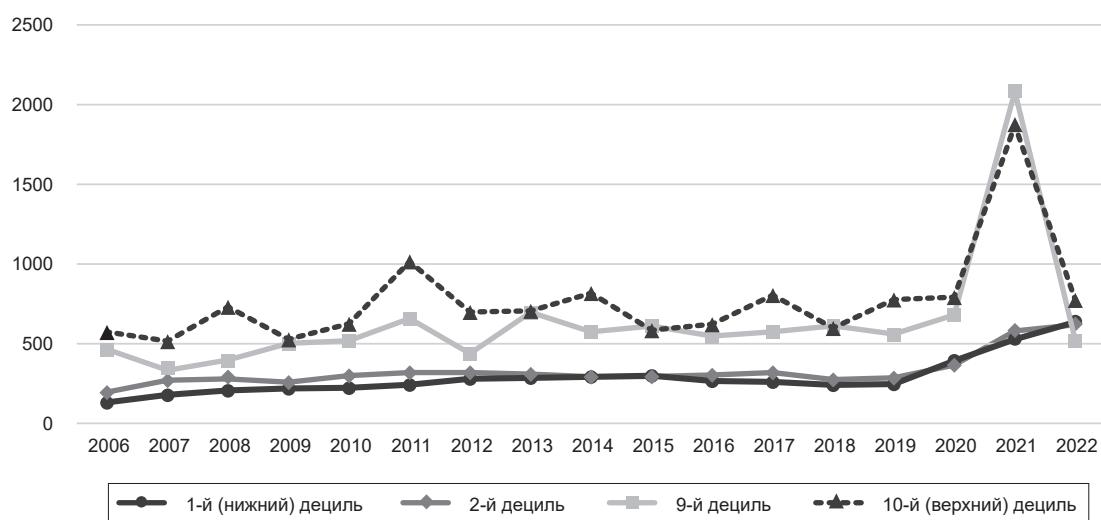

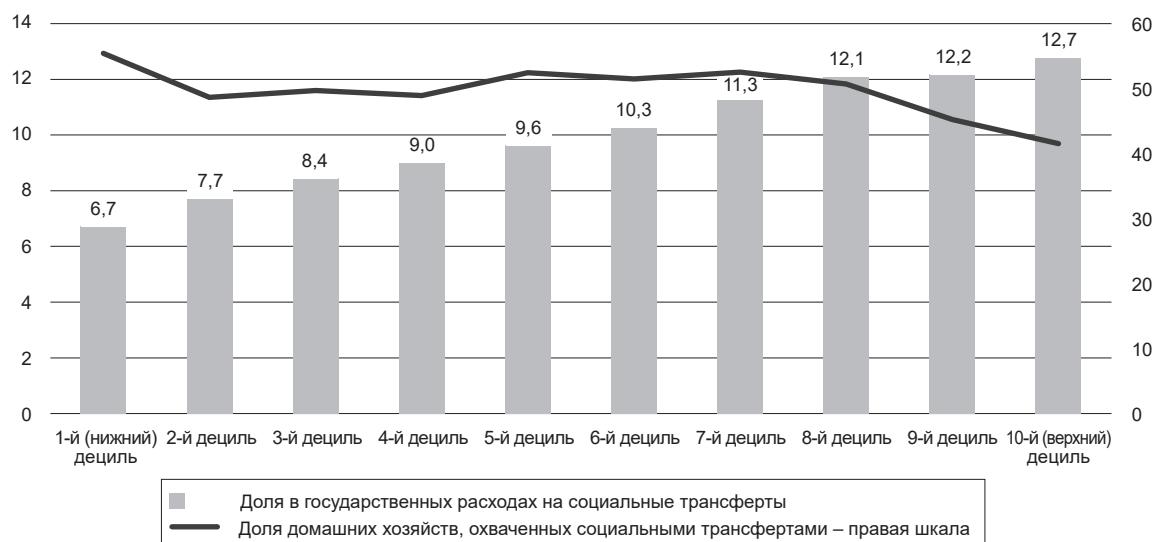
Рис. 4. Динамика социальных трансфертов в расчете на одного члена домашнего хозяйства в нижних и верхних децильных доходных группах (рублей; в ценах 2006 года)

Источник: данные Росстата, расчеты автора на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

На протяжении всего периода доходы от социальных трансфертов, приходящиеся на семьи из первого и второго децилей, были существенно ниже, чем в девятом и десятом децилях. Исключением стал 2022 г., когда доходы от социальных трансфертов в двух верхних и двух нижних децилях сравнялись.

В среднем, по данным РМЭЗ, за рассматриваемый период государство тратило на социальные трансферты домашним хозяйствам первого дециля всего 6–9% от совокупных расходов на пособия и льготы, предоставляемые населению. Усредненное распределение ресурсов на социальные трансферты за рассматриваемый период выглядит следующим образом (см. рис. 5).

Как видно из данных рис. 5, самые большие доли социальных трансфертов выделялись не беднейшим группам населения: объем предоставляемой помощи увеличивался с ростом доходов домашних хозяйств. При этом охват населения пособиями и льготами был выше всего в первом дециле, в котором около половины домашних хозяйств получали те или иные виды социальных трансфертов. Одно из объяснений такого расхождения может состоять в том, что домашние хозяйства из разных доходных групп пользуются разными пособиями и льготами. На рис. 6 представлено распределение основных видов пособий и льгот по децильным доходным группам населения.

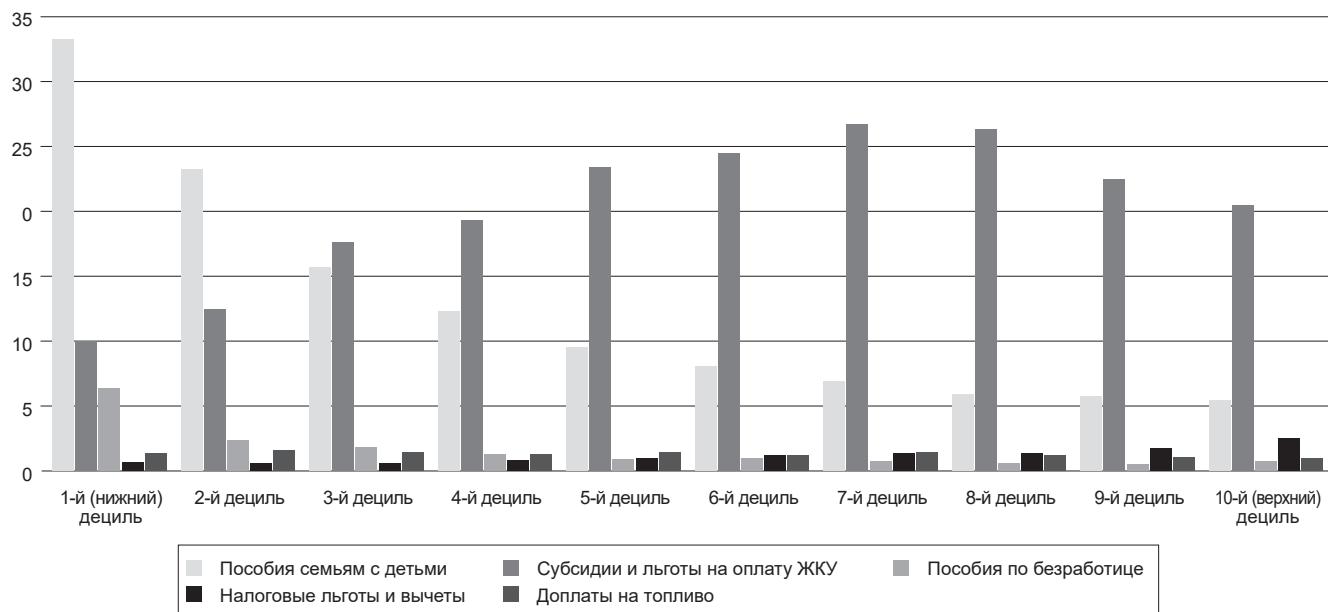
Примечание. Представлены средние значения.

Рис. 5. Распределение социальных трансфертов по децильным доходным группам и охват домашних хозяйств социальными трансфертами в каждом из децилей, 2006–2022 годы (в процентах)

Источник: данные Росстата, расчеты автора на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Процент получателей пособий и льгот в разных децильных группах варьируется в зависимости от вида пособий. Так, например, пособия семьям с детьми и пособия по безработице чаще всего предоставлялись домашним хозяйствам из нижних доходных групп, в то время как получатели налоговых льгот, напротив, преобладали в верхних доходных группах. Субсидии и льготы на оплату жилья и коммунальных услуг наиболее распространены среди домашних хозяйств со средним уровнем дохода, а доплаты на топливо в целом равномерно распределены среди всех доходных групп населения.

Следует отметить, что существенно варьируются не только доли получателей различных видов социальных трансфертов в разных децильных доходных группах, но и величина социальной помощи. Так, например, на нижний доходный дециль приходится 12% общих расходов государства на поддержку семей с детьми, а на верхний – 7,7%. Напротив, налоговые льготы по большей части предоставлялись высокодоходным группам населения: на верхний (десятый) дециль приходится 35,2% всей суммы выплат в виде налоговых льгот, в том числе льгот по налогу на доходы при покупке недвижимости, услуг образования и здравоохранения.

Примечание. Данные по налоговым льготам рассчитаны как среднее значение за 2012–2022 гг., поскольку сведения о них за 2006–2011 гг. отсутствуют.

Рис. 6. Доли получателей основных видов социальных трансфертов в децильных доходных группах населения, 2006–2022 годы
(в процентах; средние значения)

Источник: данные Росстата, расчеты автора на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Связь между доходами домашнего хозяйства и социальными трансфертами. Система социальных трансфертов способствует снижению неравенства и бедности при условии, что пособия и льготы предоставляются семьям с низкими доходами. При помощи регрессионного анализа, результаты которого представлены в таблице, были определены вероятность получения пособий и льгот, а также их размер в зависимости от среднедушевых доходов домашних хозяйств.

В столбцах (2) и (3) приведены результаты оценивания модели логистической регрессии со случайными эффектами на всей выборке (зависимая переменная – наличие получателей социальных трансфертов в составе домашнего хозяйства); в столбце (4) – результаты оценивания панельной регрессии ОМНК только для тех домашних хозяйств, в составе которых были получатели социальных трансфертов (зависимая переменная – среднедушевой размер социальных трансфертов в сопоставимых ценах). Обе модели валидны согласно высоким значениям статистики Вальда.

Результаты показывают, что вероятность получения домашними хозяйствами социальных пособий отрицательно связана со среднедушевыми доходами домашних хозяйств: увеличение реальных среднедушевых доходов на 1 тыс. рублей соответствует снижению вероятности получа-

ния пособий и льгот на 1,4 п. п. При этом размер получаемых социальных трансфертов не связан с уровнем дохода домашнего хозяйства.

Среди прочих факторов, которые определяют вероятность получения социальных трансфертов, важнейший – многодетность: если в семье имеется трое и более детей, вероятность получения социальной помощи увеличивается на 53 п. п. по сравнению с семьями без детей. Если же в семье один ребенок или двое детей, то вероятность получения пособий и льгот для них на 16 п. п. выше по сравнению с бездетными семьями.

Многодетность не просто увеличивает вероятность получения социальной помощи, но и влияет на ее размер: в домашних хозяйствах с тремя и более детьми среднедушевой размер социальных трансфертов на 141 рубль (в сопоставимых ценах) выше, чем в других семьях, охваченных социальной помощью. Между тем хотя семьи с одним-двумя детьми в целом чаще получают социальные трансферты, их размер относительно невелик в расчете на одного члена домашнего хозяйства, и потому у таких семей среднедушевая величина социальных трансфертов на 70 рублей (в сопоставимых ценах) меньше, чем у получателей трансфертов, не имеющих детей.

Если в семье проживают лица, достигшие пенсионного возраста, то вероятность получения пособий и льгот в таких домашних хозяйствах

Результаты регрессионного анализа вероятности получения и размера среднедушевых социальных трансфертов в зависимости от среднедушевых денежных доходов домашнего хозяйства

Переменная	Панельная логит-регрессия со случайными эффектами	Предельные эффекты для логит-регрессии	ОМНК со случайными эффектами
(1)	(2)	(3)	(4)
Реальный среднедушевой доход за вычетом социальных трансфертов, тыс. рублей	-0,0038*** (0,0007)	-0,0014*** (0,0002)	-0,3030 (0,4323)
Наличие одного-двух детей до 18 лет	0,4407*** (0,0230)	0,1601*** (0,0081)	-69,895*** (15,997)
Наличие трех и более детей до 18 лет	1,4634*** (0,0601)	0,5314*** (0,0210)	141,261*** (32,899)
Наличие пенсионеров	0,7392*** (0,0225)	0,2684*** (0,0074)	-27,372* (15,976)
Проживание в городе (кроме областных центров)	-0,1857*** (0,0352)	-0,0674*** (0,0127)	-65,698** (24,841)
Проживание в поселке городского типа	-0,3150*** (0,0619)	-0,1143*** (0,0222)	-77,867*** (44,597)
Проживание в сельской местности	-0,1321*** (0,0378)	-0,0479*** (0,0137)	-61,422*** (26,19)
2013 год	0,2988*** (0,0278)	0,1085*** (0,0010)	70,698*** (17,661)
2014 год	0,2950*** (0,0299)	0,1071*** (0,0108)	16,246 (18,855)
2015 год	0,2981*** (0,0303)	0,1083*** (0,0109)	6,843 (18,90)
2016 год	0,2782*** (0,0303)	0,1010*** (0,0110)	1,575 (19,01)
2017 год	0,1716*** (0,0303)	0,0623*** (0,0110)	9,110 (19,289)
2018 год	0,0493 (0,0304)	0,0179 (0,0110)	-24,593 (19,748)
2019 год	0,0341 (0,0304)	0,0124 (0,0110)	18,072 (19,801)
2020 год	0,0179 (0,0304)	0,0065 (0,0110)	77,858*** (20,01)
2021 год	0,3731*** (0,0303)	0,1355*** (0,0110)	935,51*** (19,364)
2022 год	-0,0544* (0,0305)	-0,0197* (0,0111)	121,869*** (20,568)
Константа	-0,7254*** (0,0323)		536,15*** (23,189)
Число наблюдений	55479		27106
Число уникальных домашних хозяйств	9202		6573
Wald chi2 (17)	2100,17		4272,10
Prob>chi2	0,0000		0,000
R-квадрат внутригрупповой			0,1469
R-квадрат межгрупповой			0,1075
R-квадрат общий			0,1130

Примечание. *** p < 0,01; ** p < 0,05; * p < 0,1.

на 26,8 п. п. выше, чем в семьях без пенсионеров, однако среднедушевой размер социальных трансфертов в семьях с пенсионерами ниже на 27,4 рубля (в сопоставимых ценах) по сравнению с семьями без пенсионеров.

Проживание в любой местности, отличной от региональных центров (в городе, поселке городского типа, селе), снижает как вероятность получения социальных трансфертов, так и среднедушевой доход от социальных трансфертов (если таковой имеется).

Включение фиктивных переменных для каждого года позволяет увидеть, что в 2013–2017 гг. вероятность наличия получателей пособий и льгот в составе домашних хозяйств была выше, чем в предыдущий период, что свидетельствует о расширении круга лиц, имеющих право на пособия и льготы. С 2018 по 2020 г. значимых изменений в составе получателей льгот не наблюдалось. Сумма социальных трансфертов, приходящаяся на одного члена домашнего хозяйства (в ценах 2012 г.), оставалась одинак-

ковой с 2014 по 2019 г. Ключевые изменения в системе социальных трансфертов произошли в 2021 г., хотя размер пособий вырос уже в 2020 г. Коэффициент при переменной 2021 г. показывает, как сильно увеличилось число получателей социальных трансфертов, а также среднедушевой доход от них: число домашних хозяйств, получавших социальные трансферты в 2021 г., было на 13,6 п. п. выше, а среднедушевой доход — на 935 рублей (в сопоставимых ценах) больше по сравнению с базовым 2012 г. Однако уже в 2022 г. число домашних хозяйств, охваченных пособиями и льготами, сократилось на 5,4 п. п. по сравнению с базовым 2012 г. При этом размер социальных трансфертов хотя и снизился по сравнению с 2021 г., но все равно остался выше уровня 2012 г. на 122 рубля.

В целом проведенный анализ показывает, что вклад системы социальных трансфертов в снижение неравенства с 2013 по 2017 г. происходил в основном за счет увеличения числа семей, в составе которых имелись получатели пособий и льгот, а не путем повышения реального размера выплат. В 2020–2022 гг., помимо роста числа получателей льгот, резко увеличились и суммы социальных выплат.

Заключение

Результаты проведенного исследования показывают, что как по официальным данным Росстата, так и по данным РМЭЗ в России сокращается разрыв между доходами богатых и бедных слоев населения. Этот процесс обусловлен разными причинами, среди которых существенную роль играет система социальных трансфертов. Снижение экономического неравенства происходит не столько из-за того, что социальную помощь от государства получают самые низкодоходные слои населения, сколько за счет предоставления пособий и льгот семьям из разных децильных доходных групп. Данные РМЭЗ позволяют убедиться, что значение системы социальных трансфертов стало особенно заметным в последние годы. Это не удивительно, ведь в 2019–2022 гг. была пересмотрена социальная поддержка семей с детьми, во время пандемии COVID-19 были увеличены социальные выплаты широкому кругу получателей и размер многих пособий и льгот. В 2020 г., и особенно в 2021 г., за счет дополнительных ресурсов, выделенных государством, вы-

росло как число получателей социальной помощи, так и доходы населения от социальных трансфертов.

Между тем сложившаяся система социальных трансфертов могла бы быть более эффективной, если бы более точно определялись домашние хозяйства, нуждающиеся в пособиях и льготах. Так, по данным РМЭЗ, многим семьям из низких доходных групп социальная помощь не предоставлялась вовсе: в нижнем доходном дециле почти половина семей не получала никаких пособий и льгот от государства. Но что еще важнее, именно во время кризиса из-за пандемии COVID-19, когда государственная поддержка была значительно расширена, в нижней доходной группе процент домашних хозяйств, получавших социальные трансферты, был минимальным — только треть беднейших домашних хозяйств могла рассчитывать на социальную помощь в виде пособий и льгот. Это может говорить о том, что заявительная практика получения социальных трансфертов и/или недоверие низкодоходных групп населения к государству мешает им пользоваться имеющимися возможностями. Такая ситуация нуждается в дополнительном изучении: почему именно семьи с самыми низкими доходами оказались в меньшей степени вовлечены в систему социальной помощи? Возможно, они были хуже осведомлены о своих правах, не могли самостоятельно обратиться за помощью, проживали в наиболее бедных и отдаленных регионах, или же были какие-то иные причины. Необходимо провести специальное исследование, чтобы понять, почему среди беднейших слоев населения процент получателей социальных трансфертов был столь низким.

Кроме того, проведенный анализ выявил, что на семьи из нижнего дециля в разные годы приходилось не более 10% от совокупных расходов государства на пособия и льготы, а социальная помощь распылялась по всем доходным группам. Это связано с тем, что, в отличие от так называемых детских пособий, многие виды пособий и льгот (в том числе налоговые льготы, субсидии и льготы на жилье и оплату ЖКУ) распределяются преимущественно в средне- и высокодоходных группах. Таким образом, система социальных трансфертов России до сих пор характеризуется низкой адресностью (несмотря на успехи в реорганизации отдельных видов пособий и льгот).

Оценки на основе данных РМЭЗ показывают, что вероятность получения пособий и льгот для домашних хозяйств из высокодоходных групп снижается, однако размер реальных среднедушевых пособий не зависит от среднедушевого дохода семьи. Как сам факт получения социальных пособий и льгот, так и их величина все еще в значительной степени определяются демографическим составом семьи. Важнейшим фактором получения социальной помощи, как и ее размера, является многодетность. При этом наличие одного-двух детей хотя и влияет на получение пособий и льгот, но существенно не увеличивает доход семьи. Аналогичная ситуация и в отношении лиц пенсионного возраста — их наличие в составе домашнего хозяйства способствует получению пособий и льгот, но размер социальных выплат незначительно повышает среднедушевой доход домашнего хозяйства от социальных трансфертов.

Кроме демографического состава семьи, важным фактором, влияющим на вероятность получения и величину социальных трансфертов, является тип населенного пункта, в котором проживает семья: жители областных центров имеют явные преимущества по сравнению с жителями других населенных пунктов — им чаще предлагаются различные виды пособий и льгот и их величина оказывается выше, чем у жителей более мелких населенных пунктов. Для того чтобы оказание социальной помощи населению было эффективным, важно понять причины такого положения дел.

Данные РМЭЗ имеют ряд ограничений, которые не позволяют комплексно проанализировать экономическое неравенство и вклад системы социальных трансфертов в его снижение. Так, они не позволяют учесть региональную составляющую неравенства (РМЭЗ не представителен на региональном уровне). Между тем уровень жизни, бюджеты региональных органов власти, специфические пособия и льготы для жителей районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей и Дальнего Востока могут существенным образом влиять на распределение доходов внутри регионов. Кроме того, в данных РМЭЗ недостаточно представлены домашние хозяйства с высокими доходами, и поэтому индексы Джини, рассчитанные на их основе, могут быть излишне оптимистичными. Следовательно, при интерпретации непосредственно пока-

зателей неравенства, рассчитанных на основе данных РМЭЗ, важно учитывать смещенность выборки.

Тем не менее полученные на основе данных РМЭЗ оценки хорошо отражают динамику экономического неравенства в России и позволяют говорить о том, что вероятность охвата семьи социальной помощью и величина получаемых домашними хозяйствами пособий и льгот все еще слабо зависят от уровня доходов домашних хозяйств. Кроме того, данные РМЭЗ обращают внимание на обострение проблемы предоставления беднейшим домашним хозяйствам социальных пособий и льгот в период последнего кризиса, вызванного пандемией COVID-19. В целом важно понимать, какие процессы стоят за общим снижением уровня неравенства в обществе, и при разработке мер государственной поддержки семей активнее внедрять инструменты их адресной поддержки.

Литература

1. Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо, 2015. 512 с.
2. Пиккети Т. Капитал в XXI веке. М.: Ad Marginem, 2015. 592 с.
3. Neves P.C., Silva S.M.T. Inequality and Growth: Uncovering the Main Conclusions from the Empirics // The Journal of Development Studies. 2014. Vol. 50. Iss. 1. P. 1–21. doi: <https://doi.org/10.1080/00220388.2013.841885>.
4. Джомо К.С., Попов В.В. Долгосрочные тенденции в распределении доходов // Журнал Новой Экономической Ассоциации. 2016. № 3(31). С. 146–160.
5. FitzRoy F.R., Nolan M.A. Income Status and Life Satisfaction // Journal of Happiness Studies. 2022. Vol. 23. P. 233–256. doi: <https://doi.org/10.1007/s10902-021-00397-y>.
6. Truesdale B.C., Jencks C. The Health Effects of Income Inequality: Averages and Disparities // Annual Review of Public Health. 2016. Vol. 37. P. 413–430. doi: <https://doi.org/10.1146/annurev-publhealth-032315-021606>.
7. Rasella D., Aquino R., Barreto M.L. Impact of Income Inequality on Life Expectancy in a Highly Unequal Developing Country: The Case of Brazil // Journal of Epidemiology and Community Health. 2013. Vol. 67. Iss. 8. P. 661–666. doi: <https://doi.org/10.1136/jech-2012-201426>.
8. Deaton A. COVID-19 and Global Income Inequality // NBER WP № 28392. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research, 2021. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w28392/revisions/w28392.rev0.pdf.
9. Мареева С.В., Слободенюк Е.Д. Неравенство в России в международном контексте: доходы, богат-

ство, возможности // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2018. Т. 126. № 1–2. С. 30–46.

10. **Adema W., Fron P., Ladaïque M.** How Much Do OECD Countries Spend on Social Protection and How Redistributive are Their Tax/Benefit Systems? // International Social Security Review. 2014. Vol. 67. Iss. 1. P. 1–25. doi: <https://doi.org/10.1111/issr.12028>.

11. **Cammeraat E.** The Relationship Between Different Social Expenditure Schemes and Poverty, Inequality and Economic Growth // International Social Security Review. 2020. Vol. 73. Iss. 2. P. 101–123. doi: <https://doi.org/10.1111/issr.12236>.

12. **Jacques O., Noël A.** The Case for Welfare State Universalism, or the Lasting Relevance of the Paradox of Redistribution // Journal of European Social Policy. 2018. Vol. 28. Iss. 1. P. 70–85. doi: <https://doi.org/10.1177/0958928717700564>.

13. **Haile F., Niño-Zarazúa M.** Does Social Spending Improve Welfare in Low-Income and Middle-Income Countries? // Journal of International Development. 2018. Vol. 30. Iss. 3. P. 367–398. doi: <https://doi.org/10.1002/jid.3326>.

14. **Popova D.** Impact of Equity in Social Protection Spending on Income Poverty and Inequality // Social Indicators Research. 2023. Vol. 169. P. 697–721. doi: <https://doi.org/10.1007/s11205-023-03167-w>.

15. **Золотарева А.Б.** Закон о монетизации льгот: разграничение полномочий и нефинансируемые мандаты // Финансовый журнал. 2014. № 4. С. 94–104. URL: <https://www.nifi.ru/images/FILES/Journal/Archive/2014/4/09.pdf>.

16. Социальная защита в России до и после пандемии: развилики будущего. Доклад к XXIII Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества / ред. Л.Н. Овчарова, О.В. Синявская; НИУ «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 184 с.

17. **Колосницаина М.Г., Филиппова А.В.** Детские пособия и бедность в России // Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 4. С. 118–153.

18. **Селиванова О.В., Данилина М.В.** Анализ влияния ежемесячной денежной выплаты на ребенка в возрасте от трех до семи лет включительно на снижение уровня бедности в регионах России // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Т. 12. № 8А. С. 93–101.

19. **Гришина Е.Е., Цацура Е.А.** Адресные выплаты на детей 3–7 и 8–17 лет: доступность, результативность и уроки для единого пособия // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 3. С. 77–92. doi: <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.7>.

20. **Овчарова Л.Н., Попова Д.О., Рудберг А.М.** Декомпозиция факторов неравенства доходов в современной России // Журнал Новой Экономической Ассоциации. 2016. № 3(31). С. 170–186.

21. **Туманиянц К.** и др. Неравенство и экономический рост в России: эконометрические оценки зависимостей // Деньги и кредит. 2023. № 2. С. 52–77.

22. **Суринов А.Е., Луппов А.Б.** Неравенство по доходам в России. Измерение на основе эквивалентного дохода // Экономический журнал ВШЭ. 2020. Т. 24. № 4. С. 539–571. doi: <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2020-24-4-539-571>.

Информация об авторе

Засимова Людмила Сергеевна – канд. экон. наук, доцент, заместитель директора департамента прикладной экономики, факультет экономических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). 109028, Россия, Москва, Покровский бульвар, д. 11. E-mail: lzsimova@hse.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1278-9091>.

Финансирование

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

References

1. **Stiglitz J.** *The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future*. New York, London: W.W. Norton & Co. Publ.; 2012. 560 p. (Russ. ed.: Stiglits Dzh. Tsena neravenstva. Chem rassloenie obshchestva grozit nashemu budushchemu. Moscow: Eksmo Publ.; 2015. 512 p.)
2. **Piketty T.** *Le Capital au XXIe Siècle*. Paris: Éditions du Seuil; 976 p. (Russ.ed.: Pikketi T. Kapital v XXI veke. Moscow: Ad Marginem; 2015. 592 p.)
3. **Neves P.C., Silva S.M.T.** Inequality and Growth: Uncovering the Main Conclusions from the Empirics. *The Journal of Development Studies*. 2013;50(1):1–21.

Available from: <https://doi.org/10.1080/00220388.2013.841885>.

4. **Jomo K.S., Popov V.V.** Long-Term Trends in Income Distribution. *Journal of the New Economic Association*. 2016;3(31):146–160. (In Russ.)

5. **FitzRoy F.R., Nolan M.A.** Income Status and Life Satisfaction. *Journal of Happiness Studies*. 2022;23:233–256. Available from: <https://doi.org/10.1007/s10902-021-00397-y>.

6. **Truesdale B.C., Jencks C.** The Health Effects of Income Inequality: Averages and Disparities. *Annual Review of Public Health*. 2016;37:413–430. Available from: <https://doi.org/10.1146/annurev-publhealth-032315-021606>.

7. **Rasella D., Aquino R., Barreto M.L.** Impact of Income Inequality on Life Expectancy in a Highly Unequal Developing Country: The Case of Brazil. *Journal of Epidemiology and Community Health*. 2013;67(8):661–666. Available from: <https://doi.org/10.1136/jech-2012-201426>.
8. **Deaton A.** COVID-19 and Global Income Inequality. *NBER Working Paper No. 28392*. Cambridge, Massachusetts: National Bureau of Economic Research; 2021. Available from: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w28392/revisions/w28392.rev0.pdf.
9. **Mareeva S.V., Slobodenyuk E.D.** Inequality in Russia in International Context: Income, Wealth, Opportunities. *The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions*. 2018;126(1-2):30–46. (In Russ.)
10. **Adema W., Fron P., Ladaïque M.** How Much Do OECD Countries Spend on Social Protection and How Redistributive are Their Tax/Benefit Systems? *International Social Security Review*. 2014;67(1):1–25. Available from: <https://doi.org/10.1111/issr.12028>.
11. **Cammeraat E.** The Relationship Between Different Social Expenditure Schemes and Poverty, Inequality and Economic Growth. *International Social Security Review*. 2020;73(2):101–123. Available from: <https://doi.org/10.1111/issr.12236>.
12. **Jacques O., Noël A.** The Case for Welfare State Universalism, or the Lasting Relevance of the Paradox of Redistribution. *Journal of European Social Policy*. 2018;28(1):70–85. Available from: <https://doi.org/10.1177/0958928717700564>.
13. **Haile F., Niño-Zarazúa M.** Does Social Spending Improve Welfare in Low-Income and Middle-Income Countries? *Journal of International Development*. 2018;30(3):367–398. Available from: <https://doi.org/10.1002/jid.3326>.
14. **Popova D.** Impact of Equity in Social Protection Spending on Income Poverty and Inequality. *Social Indicators Research*. 2023;169:697–721. Available from: <https://doi.org/10.1007/s11205-023-03167-w>.
15. **Zolotareva A.B.** Law on Monetization of Benefits: Separation of Powers and Unfunded Mandates. *Financial Journal*. 2014;4:94–104. (In Russ.) Available from: <https://www.nifi.ru/images/FILES/Journal/Archive/2014/4/09.pdf>.
16. **Ovcharova L.N., Sinyavskaya O.V. (eds)** *Social Protection in Russia Before and After the Pandemic: Forks of the Future. Report to the XXIII Yasin (April) International Scientific Conference on Problems of Economic and Social Development*. Moscow: Publ. House of the Higher School of Economics; 2022. 184 p. (In Russ.)
17. **Kolosnitsyna M.G., Philippova A.V.** Child Benefits and Poverty: The Case of Russia. *Economic Policy*. 2017;12(4):118–153. (In Russ.)
18. **Selivanova O.V., Danilina M.V.** Analysis of the Impact of a Monthly Cash Payment on a Child Aged Three to Seven Years Inclusive on Reducing Poverty in the Regions of Russia. *Economics: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2022;12(8A):93–101. (In Russ.)
19. **Grishina E.E., Tsatsura E.A.** Targeted Allowances for Children Aged 3–7 and 8–17: Accessibility, Effectiveness and Lessons for Unified Benefit. *Population*. 2023;26(3):77–92. (In Russ.) Available from: <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.7>.
20. **Ovcharova L.N., Popova D.O., Rudberg A.M.** Decomposition of Income Inequality in Contemporary Russia. *Journal of the New Economic Association*. 2016;3(31):170–186. (In Russ.)
21. **Tumanyants K. et al.** Inequality and Economic Growth in Russia: Econometric Analysis. *Russian Journal of Money and Finance*. 2023;(2):52–77. (In Russ.)
22. **Surinov A., Luppov A.** Income Inequality in Russia. Measurement Based on Equivalent Income. *Higher School of Economics Economic Journal*. 2020;24(4):539–571. (In Russ.) Available from: <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2020-24-4-539-571>.

About the author

Liudmila S. Zasimova – Cand. Sci. (Econ.), Assistant Professor, Deputy Department Head, Department of Applied Economics, Faculty of Economic Sciences, National Research University Higher School of Economics (HSE University). 11, Pokrovsky Blvd., Moscow, 109028, Russia. E-mail: izasimova@hse.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1278-9091>.

Funding

The study is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).